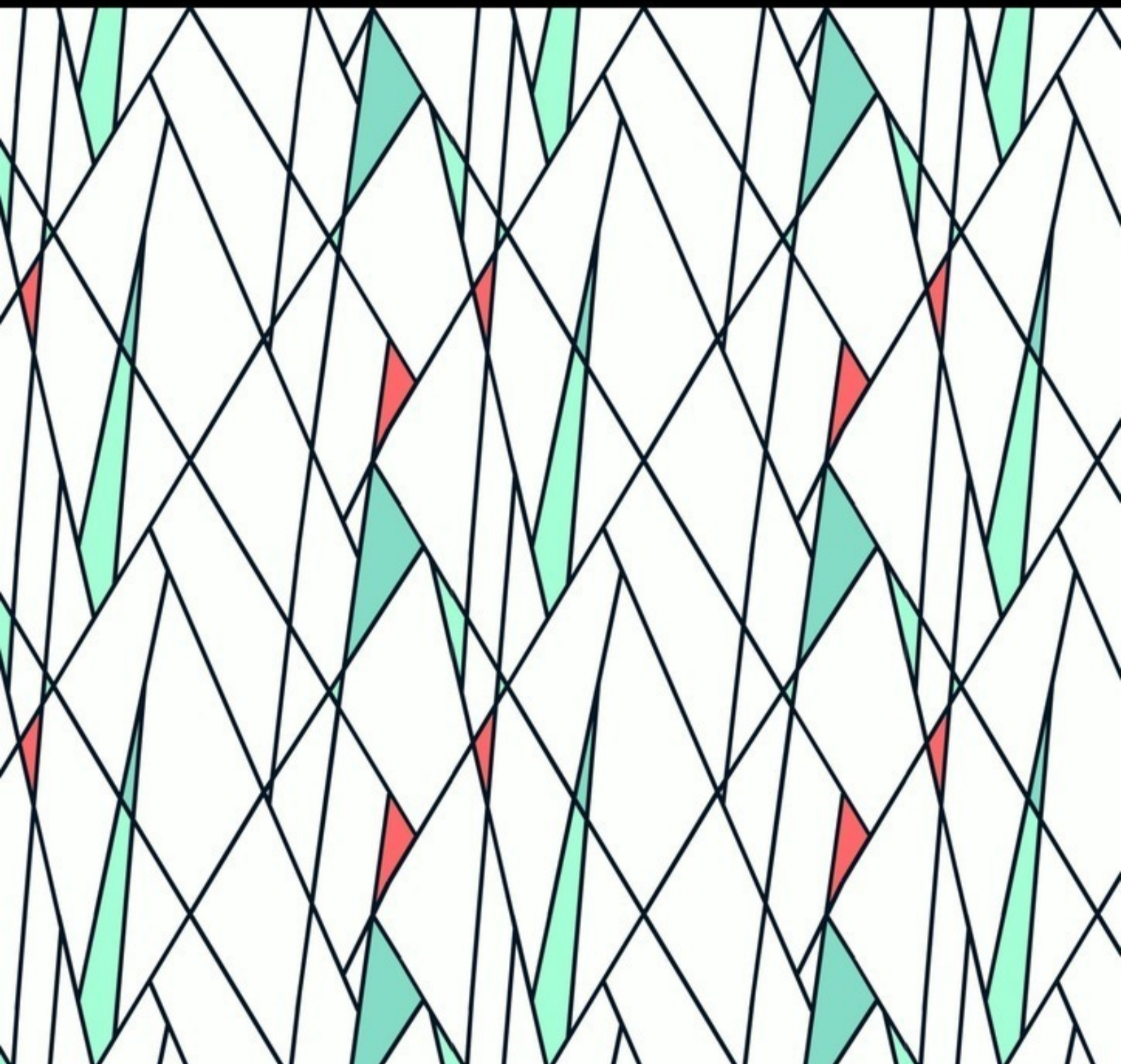
Макчер

Пой, озябшая птаха на льду

Сборник произведений



Макчер

Пой, озябшая птаха на льду. Сборник произведений

«Издательские решения»

Макчер

Пой, озябшая птаха на льду. Сборник произведений / Макчер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856608-0

Сборник произведений. Многообразие стихотворных форм и жанров, а также рассказ из цикла «Не в себе». Приятного Вам чтения!

ISBN 978-5-44-856608-0

© Макчер
© Издательские решения

Содержание

Пой, озябшая птаха на льду 6
Ковыль 7
Срезая дорогу до тихонькой речки 8
Маки 9
Пустырь 10
Дневной звездопад 11
Всё как-то не так 12
И гномики, сурово хмуря брови 14
«Пинать израненное тело…» 15
Махну рукой 16
сюжет 17
Смех 18
Я стал боятся ночи 19
Я щёлкаю страницы 20
Первый юбилей 21
Июль 22
Я за еду вам напишу 23
О чём-то ни о чём 24
На дне 25
Упал воланчик на песок 26
Ну вот и сожрана любовь 27
Совет 28
Психоз 29
Отверженный 30
Разорвано утро 31
Мгновения смысла 32
Мешаются руки 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Пой, озябшая птаха на льду
Сборник произведений

Макчер

© Макчер, 2017

ISBN 978-5-4485-6608-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пой, озябшая птаха на льду

Пой, озябшая птаха на льду,
Пой – тебя даже если не слышат,
Пой, как летом ты пела в саду,
Будто снова гнездишься под крышей,
А не стынешь в замёрзшем аду,
Словно воздухом тёплым колышет
Твои перья, а ласковый ветер,
Подпевая, несёт песни эти.

Пой, пусть тонок и слаб голосок,
Пусть хрипит приближением смерти,
Пусть Судьба, превратившись в злой рок,
Болью в сердце отметины чертит,
Только пой, как никто петь не мог,
И, когда ты умрёшь, тебя встретит
Тот мотив, что так лёгок и светел, —
Твоя песня, а прочее – пепел.

Ковыль

Белеет земля сединой ковыля,
Раскинулась ширь первозданной красы,
Мазками лаванды пестреют поля,
Багрянцем вечерние рдеют часы.

Видением дивным над полем плывут,
В пожаре заката, клубы облаков,
И небо не небо, а сказочный пруд,
И птицы не птицы, а стайки мальков.

Застыло мгновение каплей росы,
Витает дурманящих трав аромат,
Я замер, я счастлив и ноги босы,
И рядом жена и дочурка стоят.

Срезая дорогу до тихонькой речки

Срезая дорогу до тихонькой речки,
Глухим перелеском брёл старый рыбак,
Потёртый кафтан жал могучие плечи —
Дед стар, но силён, был высок, но горбат.

Причудно взыграли рассветные тени,
Младая трава заискрилась росой,
По небу порхали клоки нежной пены,
Рыбак, не спеша, путь выдерживал свой.

Шептал ветерок непонятные песни,
Махнула сорока чернявым хвостом,
В сибирской глуши, необъятной и честной,
Старик шёл, своею заботой ведом…

Прекраснее нет, чем тех образов диво,
Заря, как пожар, лёгкий свежий туман,
Тропинка, к речушке бегущая криво,
И дед мой, одетый в свой старый кафтан

Маки

Сожми мою руку – я здесь, друг, я рядом,
Терпи, уже скоро… орать, брат, не надо,
Нет, наших не будет… одни в этом поле…
Ползти? бесполезно… умрём, братка, вскоре…
Я тоже ведь ранен – не чувствую ноги…
Накрыло снарядом… жизнь в землю уходит…
Твоя кровь, с моею, цветами пробьётся,
Пусть маки алеют, согретые Солнцем…

Пустырь

Пустырь бурьяном спотыкает ноги,
Походкой рваной, будто битый пёс,
Бреду, ресницы препротивно дрогнут
Сбивая пепел жжёных бытом грёз.

Лопата, нож, убью себя, зарою,
Бутылка водки красит тухлый мир,
Струится ложь, обмана плещет море,
Пустырь вокруг, вокруг один пустырь…

Дневной звездопад

Звёзды мнут дневное небо,
Почерком смертельно-радостным,
Белый хвост рисуя в небыль,
Росчерком срываясь, падают.

Словно нити тянут швеи,
Частокол пушистых столбиков,
Иглы воздух жгут, алея,
Облака пронзая толпами.

Глаз восторжен, разум бьётся,
С ужасом тревоги борется,
Дым тучнеет, кроет Солнце,
Холодом стегает горестно.

Дрогнул город, грохот глушит,
Ангелы упали мёртвые,
Плавит землю крах могучий,
Падшими дневными звёздами…

Всё как-то не так

Жутко болела голова. Во рту пересохло. Там явно погуляли коты. Подташнивало. «Чёрт, побери, – подумал Стас – Похоже в алкаша попал!»

С трудом разлепив веки, тут же закрыл глаза рукой. Свет резал не хуже бензопилы. Немного придя в себя, Стас собрался с силами и приподнялся на кровати. Огляделся. Он лежал на большом угловом диване, в небольшой комнате с огромным телевизором на всю стену. А может и не телевизором, но очень похожим на него.

В предыдущей реальности были подобные приборы и там такой прибор называли – телевизор. Развлекательно-оболванивающий аппарат для манипуляции сознанием, воздействуя на подсознание.

Бросив взгляд вверх, Стас подскочил в испуге, споткнулся, упал и больно ударился локтем об пол. Реки шипящего мата потекли по комнате. На потолке висела большая, явно дорогая, хрустальная люстра со множеством «висюлек». А из этих «висюлек» на него смотрели два глаза, находящиеся на усыпанном торчащими во все стороны иглами шарообразном теле.

«Если это местные комары, то я запрусь в туалете и не выйду оттуда до следующего скачка!» – решил Стас.

Колючий шар все так же неподвижно пялился из люстры. Присмотревшись, Стас увидел прозрачную леску, идущую со спины «комара» к потолку.

«Чучело, чтоб его!..» Похоже обладатель тела в этой реальности не отличался хорошим вкусом.

– Чего ты тут орёшь, придурок? – в комнату вошла симпатичная женщина лет тридцати. У неё были чёрные волосы, красивое лицо, без капли косметики, спортивное телосложение и выразительные ярко-зелёные глаза. – Подорвал свою задницу, жиробас, и бегом будить-умывать ребёнка, в садик опоздаете! – её тон был строг и раздражён, – И ещё раз разбросаешь свою косметику в ванной – будешь искать её в мусорном ведре!

С этими словами женщина развернулась и вышла из комнаты. «Жиробас!..Моя косметика!..Куда я попал? Вот это я попал…» Панические мысли в голове Стаса сменяли друг-друга, мешая сосредоточиться. «Тихо, спокойно, это всего на один день! Взял себя в руки и пошёл подыгрывать!»

Внутренний голос был прав. Оказаться в психушке, как случилось несколько скачков назад, Стас не горел желанием. «Да-а, если в этом мире я гей-подкаблучник, то лучше бы чучело в люстре было местным „комаром“» – мысли кое-как устаканились в голове и Стас поднялся с пола.

Выйдя в коридор из комнаты, он натолкнулся на потирающую глаза девочку в пижамном костюмчике.

– Пап, давай не пойдём сегодня в садик? – плаксиво сказала она.

– Я Вам сейчас не пойду! – раздалось из глубины квартиры – Бегом умываться и в садик! А то сейчас оба у меня получите!

– Мама сказала, надо делать! – пожал плечами Стас, сделав грустное лицо и показав ребёнку язык.

Девочка рассмеялась и побежала в ванную, благо она находилась прямо по коридору и искать ее не пришлось. Стас вспомнил один из скачков, когда он, проснувшись, бродил в одиночестве по огромному дому в поисках туалета и в результате «оросил» цветочный горшок.

Стас направился следом за девочкой, по пути заглянув в соседнюю комнату.

– А во что её одеть после ванной? – смиренно спросил он у находящийся там женщины.

– Я об этом должна думать? Кто из нас мужчина? – удивленно откликнулась она – С каких это пор женщины начали разбираться в детских шмотках?

С этими словами она вышла из комнаты, звонко шлёпнув Стаса по ягодице, проходя мимо него. От этого шлепка у Стаса онемела нога и дёрнулось лицо. Рука у неё тяжёлая…

– Пап, ну где ты там? – раздалось из ванной.

– Ты почему завтрак ещё не приготовил? – раздалось с кухни.

«Твою налево!!» – раздалось в голове и Стас поспешил в ванную.

– Ответь мне на пару загадок и получишь вечером сюрприз! – вытирая ребёнка полотенцем после процедуры утреннего омовения, начал Стас. Ситуацию нужно было начинать прояснять. – Как тебя зовут?

– Аня, – девочка с любопытством смотрела на него.

– А полное имя? – более настойчиво продолжил Стас.

– Колкая Анна Натальевна! – Стас опешил.

– А маму, как зовут?

– Колкая Наталья Веровна!

– «Полный „швах“!» – мелькнуло у Стаса в голове.

– А меня, как зовут? – боясь ответа, спросил Стас.

– Николай Игоревич Колковский! – последовал ответ девочки, – Пап, а что за сюрприз?

– Вечером, всё вечером.. – задумчиво произнёс Стас, смотря на своё отражение в зеркале ванной.

В отражении было его лицо. Обычно он попадал в тела своих двойников из других габаритностей и этот скачок не был исключением. Лицо то его, но вот этот татуаж губ и век… Да ещё серёжки в ушах…

День будет долгим…

(без корректуры, правки принимаются с благодарностью)

И гномики, сурово хмуря брови

И гномики, сурово хмуря брови,
Учили великана строить дом:
Не тот размер! И камень слишком новый!
Окно не там! Зачем чердак с окном?
Кричали, пыжились, позвали тролля —
Чтоб с великаном потягался тролль.
Ехидно скалились, кидали солью,
Кусался тролль, играя свою роль,
А великан, упорно, день за днём,
Для них, для всех, пытался строить дом.

«Пинать израненное тело…»

Пинать израненное тело,
Клевать остервенело душу,
Нисколько Вам не надоело
И совесть сон Ваш не нарушит.
От юзерпика на экране
Ваш слог язвительно-беспечен,
Вы, словно кот в помойной яме,
Копаетесь в клоаке сплетен.
Втыкая пальцы в пластик «клавы»,
Вас рвёт потоком наставлений,
Вы, для себя, умны и правы,
Вы, для себя, и суд и гений.
И каждый раз тихонько блея
Перед начальником в «реале»,
Мечтаете, как очень смело
Вы будете стучать по «клаве».
Поэт поэту не читатель
Поэт поэту не читатель,
Боясь назвать себя – поэт,
Он веру сам в себя утратил,
В других подавно веры нет.

Махну рукой

Махну рукой былое прогоняя,
Взор подыму седою головой,
Вздымая из-под ног, где пыль земная
Давно его укутала собой.

Лицо лучами солнца приласкает,
Шагну вперёд – в далёкий горизонт,
Года в коленях заскрипят песками,
Песком ненужных слов наполнен рот.

И памяти сказав: «Отринь плохое!» —
Приму бурлящей жизни яркий цвет,
Мне радость вновь объятия раскроет,
Я уберу взведённый пистолет.

сюжет

Обычный, незатейливый сюжет,
В груди – страстей бушующее пламя,
Сжигающее разум много лет,
Жестокий мир, он в нём стоп-кадром замер.
Уже и юности куплет допет,
И не один на зрелость сдан экзамен,
Он денег хочет, только денег нет,
Любви? Семьи? Но сердце словно камень,
Погас былых эмоций жгучий свет,
Сгоревший разум злобою изранен,
Он не в себе, он будто бы раздет,
Без волчьей шкуры стал тупым бараном.
Мечту порвал к чертям судьбы стилет,
Надежду – быт разбил проблем тараном,
Подавлен чередою мелких бед,
Был раньше бас, теперь поёт сопрано.

Смех

Смех режет уши, в клочья рвёт любовь,
Склонив колено, зубы сжал до боли,
А смех не утихает, вновь и вновь
Его раскаты грудь ему кололи.
Колечко, робко сжатое в руке,
В руке, слегка дрожащей от волненья,
Слетевшее в презрительном плевке —
Ты шутишь? Слишком ты обыкновенен!
И этот смех – волною по кафе,
Со всех сторон в тиски сжимает разум,
Он, сбоем в искорёженной строфе,
Разбил картину личности на пазлы.
Он встал с колен и начал убивать,
Её и всех смеющихся с ней рядом,
А смех, укравший душу будто тать,
Срывался с губ его шипящим ядом.

Я стал боятся ночи

Я стал боятся ночи, той вязкой тишины,
Что рвёт реальность в клочья, где память гонит сны.

Я щёлкаю страницы

Я щёлкаю страницы,
Туда-сюда, бесцельно,
Мне в эту ночь не спиться,
Уже и пил, и ел я.
Мелькают чьи-то лица,
Товары, скидки, цены,
В комментах кто-то злится,
Пуская тонны пены.
Сейчас бы в хлам напиться,
И, не смотря на время,
Друзей позвать «на пиццу»,
Да децибелом врезать…
Но мир сменил границы
И я, чтоб друга встретить,
Страница за страницей,
Копаюсь в интернете.

Первый юбилей

Пять лет промчались незаметно…
Прелестный розовый конверт,
Зажёг зарёю предрассветной
Любви неугасимый свет.

Дочурка, милою улыбкой,
Впустила в сердце счастья миг,
Весельем заискрилась пылко
Квартира, слыша детский визг.

Бежали дни, игрушки кучкой,
Подарков сложена гора,
Смеётся радостно Настюшка,
Русалочка она с утра.

Пришли к ней сказочные тролли
Поздравить в первый юбилей,
Красотка Ариэль устроит
Салют и шоу пузырей.

Собрались родственники, гости,
У мамы светятся глаза,
Со смехом детвора разносит
Наряженный банкетный зал.

Пять лет промчались незаметно,
Когда-то розовый конверт,
Кудряшки разметав по ветру,
Бежит с охапкою конфет.

Июль

Я не дышу – я воздух пью,
Горяч и вязок, как кисель,
Он забивает грудь мою,
Кровь превращая в бурый сель.
Она, лениво так, ползёт,
По телу разгоняя дурь,
Мне душно, льёт ручьями пот,
Меня живьём печёт июль.

Я за еду вам напишу

Я за еду вам напишу,
Эмоции измерив метром,
Подайте грязному бомжу,
Я тоже был когда-то в светлом,
Я получил свою маржу
И голову посыпав пеплом —
Подайте радости, прошу,
Подайте старому поэту…

О чём-то ни о чём

Пишу о чём-то ни о чём,
Слова впиваются в бумагу,
Мне критик станет палачом,
Вычитывая эту сагу.

Он скажет, что всё это бред,
Неграмотная чушь профана,
А я, закутавшись в свой плед,
Усядусь на краю дивана.

Угрюмо пялясь в монитор,
Пойму, что мне никто не нужен,
Ведь жил я как-то до сих пор
И был всегда с собою дружен.

Но нет, черкнул пером себя,
Излил «корявым слогом» душу,
По сердцу буквами скребя,
Но оказалось, что я – скушен.

На дне

Годами время с нас стекло,
Изрядно поредел наш строй,
Мы клеим битое стекло
Под знаком «на песке не строй».
Ломаем бестолку мечи,
Застряли в длинном, скучном дне,
Но сколько бисер не мечи,
Сидим среди вранья – на дне…

Упал воланчик на песок

Упал воланчик на песок,
Счастливый смех летит над морем,
Весёлый детский голосок
Упрямо с тёплым ветром спорит.

Гуляет Солнце по волнам,
Играет на воде лучами,
Качается катамаран,
Легонько к берегу причалив.

Из горла рвётся тихий всхлип,
По сердцу полоснули грабли,
Взметнулся в небо чёрный гриб
И поплыла реальность рябью…

Более 60 лет назад США начали ядерные испытания на Маршалловых островах в Тихом океане.

Ну вот и сожрана любовь

Он сказкой о любви пленён,
Словами сыплет, как дождём,
Явь для него – прекрасный сон
И небо в звёздах даже днём.

Она прекрасна и мила,
Улыбчива, но холодна,
Цветком прелестным расцвела
И для него она – одна.

Он для неё – очередной,
Он не богат и не герой,
Не будешь сыт мечтой одной,
Ведь кушать хочется порой.

Ну вот и сожрана любовь,
Ей нужен с сёмгой бутерброд,
Да чтоб на «мерине» свекровь,
А не речистый нищеброд.

Совет

Когда мир сер и спину гнёт от бед,
А радость без следа пропала,
Я вспоминаю дедушкин совет:
«Не падай духом где-попало»…

Психоз

Я жру свои пальцы,
Я пьян и безумен,
Хрустит во рту кальций,
Боль разум целует,
Снесло мою крышу,
Сознанье пропало,
Психоз громко дышит,
Ору, что попало.

Отверженный

Зачёркнут в памяти ушедшим днём,
Отброшен на обочину событий,
Поставлен крест общения на нём,
Никто он всем, дурной молвой избитый.

Друзьям, родным – не нужен никому,
Не оправдал ничьих он ожиданий,
И доживать придётся одному,
Вдыхая горький дым воспоминаний.

Разорвано утро

Разорвано утро, разорвана жизнь,
Свистящие бомбы в рассветном тумане
Покой превращают в кровавую слизь,
Войною разбуженный город изранен.

Пылают дома, боль и крики кругом,
По улицам лязгают траками танки,
Разрушенный Брест, под чужим сапогом,
Отчаянно бьётся с безумством подранка.

Коварным ударом фашисткой чумы
Разбита надежда на тихое лето,
Поля золотистые стали черны,
Деревья склонили горящие ветви.

Хохочущей сворою бешеных псов,
Роняя слюну из оскаленных пастей,
Пришли оккупанты сжимая в кольцо
Столицу страны не изведавшей счастья.

Мгновения смысла

Вдох, выдох – секунда, мгновения смысла,
Бредущие нудно сменяются числа,
Минуты часами, годами ложатся,
Мазками, штрихами по сердцу из кварца…

Мешаются руки

Мешаются руки, вдруг лишними стали,
Дыхание сбилось, жгуч воздух, горяч,
Рассыпался мир на кусочки, детали,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.